

Ольга Бердникова

— доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы
и гуманитарных наук Воронежского
государственного университета.

**«КРАЙ ОТЕЧЕСКОЙ
ПРИВЯЗАННОСТИ»:
О ВОРОНЕЖСКОМ
«НАСЛЕДИИ»
В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА**

Вполне очевидно, что «вхождение» И.А. Бунина в национальную культурную традицию закономерно в силу глубинной укорененности его художественного сознания в «краю отеческой привязанности», по словам А. Платонова, еще одного уроженца Воронежа. Кроме того, связь русского писателя с «краем отцов» обусловлена такой сугубо отличительной особенностью нашего национального менталитета, как наличие у нас отчества, поэтому так естественна у русского человека и пушкинская «любовь к отеческим гробам», и лермонтовская склонность желчно вспоминать «ошибки отцов».

Свой единственный роман, принесший ему Нобелевскую премию, писатель начинает словами: «Я родился пятьдесят лет назад в средней России, в деревне, в отцовской

усадьбе»¹. И эти — ключевые слова его художественного мира — можно включить в своего рода воронежский код: средняя Россия, деревня, отцовская усадьба.

Первые годы его жизни прошли в отцовском доме на улице Большая Дворянская (проспект Революции, 3) в Воронеже. Писатель неоднократно указывал на значимость факта рождения в городе, представлявшем в самой полной мере среднюю Россию: «Я родился в Воронеже, прожил в нем целых три года, а кроме того, провел однажды целую ночь, но Воронеж мне совсем неизвестен, ибо в ту ночь, что провел я в нем, я его не мог видеть: приглашен был воронежским студенческим землячеством читать на благотворительном вечере в пользу этого землячества, приехал в темные зимние сумерки, в метель, на вокзале был встречен с шампанским<...>. А те три года, что я прожил в Воронеже, были моим младенчеством» («Автобиографические заметки») (VI, 222).

В другой заметке И.А. Бунин подчеркивает культурную значимость средней России как места своего рождения и детства: «Я рос в средней России, в той области, откуда вышли не только Анна Бунина, Жуковский и Лермонтов, — имение Лермонтова было поблизости от нас, — но вышли Тургенев, Толстой,

Тютчев, Фет, Лесков... И все это: эти рассказы отца и наше со всеми этими писателями общее землячество, все влияло, конечно, на мое прирожденное призвание. Мне кажется, кроме того, что и отец мой мог стать писателем: так сильно и тонко чувствовал он художественную прозу, так художественно всегда все рассказывал и таким богатым и образным языком говорил. И немудрено, что его язык был так богат. Область, о которой я только что сказал, есть так называемое Подстепье, вокруг которого Москва, в целях защиты государства от монгольских набегов с юго-востока, создавала заслоны из поселенцев со всей России» (2).

Средняя Россия — это местность, находящаяся посередине, в середине России как большого по территории государства. Из этого следует, что здесь не было заметных влияний севера, юга, востока и запада, то есть это та часть страны, которая в большей степени сохранила национальную самобытность. При этом надо иметь в виду, что Елец и елецкий уезд, где будущий писатель учился в гимназии и жил в отцовской (и материнской) усадьбе, входил в то время в Воронежскую губернию. Кроме того, он часто гостил у родных и знакомых в деревнях под Ельцом, соответственно также пребывал на «воронежских просторах».

¹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М., 1988. С. 7. Тексты произведений Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

Образ и топосы средней России художественно воспроизведены в лучших произведениях И.А. Бунина: крестьянских рассказах 1910 годов («Веселый двор», «Худая трава», «Захар Воробьев» и др.), в повести «Суходол», в романе «Жизнь Арсеньева».

Так «средняя Россия» становится образом, в котором закодирована идея о глубинной национальной и культурной самобытности.

«Деревня», второе ключевое понятие, входящее в «воронежский код», содержит образы почвы, земли, «хлеба насущного», представляющие еще одну основу национальной жизни. И отсюда еще одно утверждение автобиографического героя «Жизни Арсеньева» о том, что с детства он был приобщен «самой земле», всему тому «чувственному», «вещественному», «из чего создан мир» (V, 17).

Однако «почва» преобразуется у Бунина в культурологическую категорию. Так, А.И. Смоленцев в статье «Интерпретация смыслов»: об одной воронежской аллюзии в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» обосновывает идею о географическом и культурном «землячестве» на основе оригинального прочтения ранней статьи писателя «Памяти сильного человека» (По поводу 70-летней годовщины со дня рождения И.С. Никитина — 21 сентября 1824 г.).

Исследователь сумел во многом по-новому раскрыть свою тему, положив в основу текстовое сопоставление

III, IV глав второй книги романа «Жизнь Арсеньева» и текста статьи и сопоставив образ мещанина Ростовцева и воронежского поэта, мещанина И.С. Никитина с опорой на роман писателя: «В гимназии я пробыл четыре года, живя нахлебником у мещанина Ростовцева <...>. Он, случалось, заходил к нам, своим нахлебникам, и порой вдруг спрашивал, чуть усмехаясь: — А стихи вам нынче задавали? <...> Потом я читал Никитина: “Под большим шатром голубых небес, вижу, даль степей расстилается...” Это было широкое и восторженное описание великого простора, великих и разнообразных богатств, сил и дел России. И когда я доходил до гордого и радостного конца, до разрешенья этого описания: “Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!” — Ростовцев сжимал челюсти и бледнел.

— Да, вот это стихи! — говорил он, открывая глаза, стараясь быть спокойным, поднимаясь и уходя. — Вот это надо покрепче учить! И ведь кто писал-то? Наш брат мещанин, земляк наш!» (3).

А.И. Смоленцев очень точно увидел в Никитине — в интерпретации молодого Бунина — основное противоречие: сочетание уникальности оригинального русского поэта, выходца из народной среды, и типичности, распространенности такого человеческого типа в русской жизни: «Именно этот факт, позволяет утверждать, что в центре внимания статьи — не только поэт И.С. Никитин (поэт, тем более

«великий поэт» — явление по определению не типическое, оригинальное, ярко-индивидуальное) — но сильный духом и телом человек, сын своего отца, сын своего сословия, сын своей почвы — родной земли» (3: 136). Свидетельством тому завершающий тезис, а по существу — «пафос» статьи Бунина: «Все это умел делать Никитин, этот сильный человек духом и телом. Он в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова. Все гениальные ее представители — люди, крепко связанные с своей почвой, с своей землей, получающие от нее свою мощь и крепость. Так был связан с нею и Никитин, и от нее был силен в жизни и творчестве. Кажется, переводятся такие люди» (VI, 590).

По мысли А.И. Смоленцева, уже в эмиграции Бунин, на основе памяти о «сильном человеке» — воронежском поэте Иване Никитине, в образе мещанина Ростовцева «воскрешает» подлинного русского человека того времени. Исследователь убедительно показывает, как в «пустоте памяти» о месте рождения Бунин опирается на основной культурный «миф» Воронежа — личность и творчество поэта Ивана Никитина, делая подобный тип национальным символом.

Не случайно к личности самобытного русского талантливое человека Бунин вновь обратится в пору написания «Жизни Арсеньева» в ме-

муарном очерке «Эртель» (1929). Он снова будет акцентировать в Эртеле «смесь мужественности и мягкости, твердости и деликатности, породистого англичанина и воронежского прасола» (VI, 271), восхищаться его умом, знанием народа, подлинностью писательского таланта.

Образ «отцовской усадьбы» — сквозной в поэзии и прозе писателя. В «Окаянных днях», уже в эпоху глобального исторического слома всех традиционных устоев исторического бытия России, писатель вновь вернется к проблеме дворянства и еще раз заявит о принципиальной невозможности деления одного народа по сословно-классовому признаку, потому что «душа у тех и других — одинаково русская»: «Народ, давший Пушкина, Толстого». А белые не народ. <...> А весь цвет русской литературы? А ее герои? *Ни одна страна в мире не дала такого дворянства*» (курсив И.А. Бунина. — О.Б., С.Ч.) (4: 108). Еще в 1910 годы он утвердился в убеждении, что «душа у тех и других одинаково русская» («Суходол»).

Таким образом, «отцовская усадьба» в осмыслении писателя соединяет национально-психологическую и культурную традицию, содержит идею укорененности, наследия, памяти.

Контекстный подход позволил молодому воронежскому исследователю и однофамильцу писателя С.В. Бунину (все-таки это воронежская фамилия!) заявить проблему особого — «степного кода» как совокупности стихотворений и прозаиче-

ских произведений, раскрывающих образ Подстепья, и осмыслить его в контексте философских идей русских ученых-евразийцев.

По утверждению С.В. Бунина, именно степная тематика евразийства могла, в первую очередь, привлечь внимание И.А. Бунина: «Как уроженец Черноземья, предстепья, переходящего в степь, он, несомненно, всегда сознавал влияние степного начала на русский характер» (см.: 5). Вместе с тем бунинский ответ на евразийский вопрос о «наследии Чингиз-Хана» вполне четко сформулирован в ряде произведений и литературно-критических статей: Бунин отказывался видеть хоть какие-то положительные черты и влияния «ханской степи» в русской истории и ментальности.

Вместе с тем исследователь показывает неоднозначность позиции писателя: «В конце концов, в самом по себе стремлении к простору едва ли есть что-то плохое. И кочевники и странники, которых так много в прозе Бунина, описаны им с несомненной симпатией. Однако же в революционных по своей сути (этого нельзя отрицать) идеях евразийцев Бунин видел покушение на крайне важные для него категории времени и памяти: “В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, а есть только бродячая кибитка, время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет”» (см.: 5).

Крайне актуальным для нашего времени оказывается расколовший

Русское зарубежье в 1920 годы спор вокруг наследия евразийцев: это не только спор о роли ордынского влияния на русскую историю и принадлежности России к Востоку либо Западу. Это была и есть еще и попытка ответить на вопрос: что делать с настоящим и в настоящем?

Еще один сугубо «воронежский след» отчетливо прописан в рассказе «Натали» из цикла «Темные аллеи». Безусловно, исследователи не раз обращались к тому единственному рассказу, в котором писатель прямо называет Воронеж как топонимическую характеристику главной героини. На протяжении всего текста Натали Станкевич несколько раз называется автором «воронежской»: «Наша воронежская, из прекрасной семьи, очень богатой когда-то, теперь же просто нищей. В доме говорят по-английски и по-французски, а есть нечего... Очень трогательная девочка, стройненькая, еще хрупкая. Умница, только очень скрытная, не сразу разберешь, умна или глупа...» (V, 374).

В одной из современных работ авторы утверждают, что само сочетание имени и фамилии главной героини — Натали Станкевич — является своего рода воронежским кодом (см.: 6).

Фамилия героини рассказа «Натали» — Станкевич — представляет один из известных родов воронежского дворянства, оставивших заметный след в культурной жизни Воронежской губернии и всей России. Именем Станкевича названа одна

из центральных улиц современного Воронежа, недалеко от этой улицы установлен памятник И.А. Бунину.

Архивы, свидетели жизни рода Буниных, дают данные, на которые опирался писатель: «О роде Буниных я кое-что знаю. <...> о начале нашем в “Гербовнике дворянских родов” сказано <...>. Все сие доказывається бумагами Воронежского дворянского депутатского собрания о внесении рода Буниных в родословную книгу в VI часть, в число древнего дворянства...» (см.: 2). Вот почему фамилия Станкевич столь важна для Бунина: данная фамилия отсылает нас к старинному дворянскому роду Станкевичей, внесенному во 2-ю родословную Воронежской губернии, который берет свое начало в России в 1757 году. «Родоначальник — Иван Семенович Станкевич — выходец из Сербии, перешедший в 1757 году в русское подданство. И.С. Станкевич, обосновавшись в Острогжском уезде, заводит семью и у него рождаются сыновья — Николай и Владимир. В данном контексте наиболее актуальна родословная линия Владимира, поскольку именно он обосновался в селе Удеревка Бирюческого уезда (в настоящее время Курская область). Среди его детей есть множество выдающихся (Николай Владимирович, Александр Владимирович, Иван Владимирович), оставивших заметный след в истории и культуре Воронежской губернии» (см.: 7).

Но более интересна женская линия рода.

Натали в одноименном рассказе И.А. Бунина — одна из главных героинь, воплощающая в себе черты духовной цельности, сдержанности, загадочности и истинной внутренней красоты, гармонии, которые рождаются рядом с нею. Не случайно и то, что героиня выглядит похожей на ангела: «...прелестная головка, так называемые “золотые” волосы и черные глаза. <...> Ресницы, конечно, огромные и тоже черные, и удивительный золотистый цвет лица...» (V, 372). Изобилие золотого цвета, светлые волосы, большие темные глаза придают образу Натали черты иконописности.

В женской линии рода Станкевичей можно найти черты сходства с героиней рассказа И.А. Бунина «Натали». Менее походят на нее сестры Надежда Владимировна и Любовь Владимировна. Из «Воспоминаний» Александры Владимировны Щепкиной: «Старшая сестра Наденька... была высока и стройна, красив был ее лоб и правильный нос с легкой горбинкой... и к ней шли ее темные волосы. И неправильность одного глаза, слегка скошенного, — не портила мягкость ее взгляда, — особенно в молодые годы... она возбуждала общее уважение к ее уму и солидности... и могла служить образцом живой деятельности и теплого отношения к окружающим ее!..» (8: 38).

О сестре А.В. Щепкина пишет, что она резко отличалась от всех сестер оригинальным характером, большой живостью, «...можно ска-

зять живой страстностью, отличалась веселостью и до конца не изменившимися ей шутливостью и остроумием. В письмах ее встречались меткие характеристики и заметки, оригинально изложенные...» (8: 39).

Но более походят на Натали Бунина сестры Александра и Мария. Если посмотреть на портрет Александры, то можно увидеть тонкое лицо, обрамленное темными волосами, которое при этом светлое и немного печальное. Печальны и глаза. Во взгляде, пронизательном и спокойном, светятся ум и доброта. Руки изящно сложены на коленях. Фигура скромно сидящей молодой женщины в темном платье со светлым кружевным воротничком полна обаяния и достоинства.

Мария Владимировна — миловидная женщина, удивительно похожая на свою сестру Александру, которая отмечала, что черты лица Маши «тонки, правильны и ясно обозначены, что она нравилась всем знакомым... Из всей семьи нашей она особенно выдавалась своими разнообразными талантами... С годами она становилась все интереснее, у нее проявлялись новые способности. Так, был скоро замечен ее прекрасный голос, и способность хорошо рисовать...» (8: 40).

Можно предположить, что Бунин мог прочесть вышедшие в 1915 году «Воспоминания» А.В. Щепкиной и описания сестер Станкевич, но и в тех характеристиках, которые даны в воспоминаниях А.В. Щепки-

ной, проступает портрет дворянской девушки в наиболее типичных ее проявлениях. В Натали И.А. Бунина представлен собирательный образ светлой красавицы, миловидной, изящной и скромной девушки, обладающей при этом глубоким внутренним миром.

В этой связи актуальна мысль П. Флоренского о том, что имена собственные выражают тип личности их носителей, поэтому в них содержатся предсказания судьбы: «В литературном творчестве имена суть категории познания личности...» (9: 26). Соответственно, узнав об этимологии имени героини, можно предположить многое во внешнем и внутреннем облике героини.

Особое значение антропонима Натали в одноименном рассказе отмечали исследователи. Натали — французский вариант традиционно русского имени Наталия, возникшего в первые века от Рождества Христова. Оно происходит от латинского *Natalis Domini*, что означает «рожденная в Рождество», «рождественская», «благословенная» (10: 102). Соответственно героиня, названная Буниным в честь одного из центральных праздников христианского календаря, наделяется чертами особого света и чистоты. Но эта красота носит и роковой характер, поскольку судьба героини трагична.

Своего рода «Наталин текст» сумела увидеть в творчестве И.А. Бунина современная воронежская исследовательница. Автор статьи

исследует, каким образом реализуется в данных антропонимах категория «рода» на примерах Натальи из «Суходола» и «Натали» из одноименного рассказа. Этим героинь объединяют мотивы тайны и трагической любви, а также мотивные связи с главной Натальей русской литературы — Наташей Ростовской из романа «Война и мир» (11).

И.А. Бунин тонко обыгрывает эти грани значения имени героини. «Благословенная» Натали в конце рассказа умирает во время родов: «В декабре она умерла на Женевском озере в преждевременных родах» [V, 396]. Печальный финал произведения раскрывает поддерживаемую автором идею мимолетности счастья. В подтверждение данной мысли О.Н. Михайлов пишет: «Позднему Бунину близость любви и смерти, их сопряженность представлялась частным проявлением общей катастрофичности бытия, непрочности самого существования» (12: 263). Кроме того, со смертью Натали пресекается тем самым один из воронежских дворянских родов, как пресеклась после революции 1917 года связь писателя с родными местами и Родиной.

Безусловно, образ Натали созвучен образу «тургеневской девушки», сочетающей в себе внешнюю хрупкость и внутреннюю силу, мудрость и сердечность. Примечательно, что героиню чаще всего называют на французский манер, как это было принято в дворянских семьях. Сочетание глубинной русскости и французского

имени может символизировать особенность русской дворянской усадебной культуры, где французские произношения и имена подчеркивали изящество манер, европейскую образованность и принадлежность именно «старобарской складке поэтической наклонностей», как точно охарактеризовал своеобразие Бунина критик начала XX века (13).

Это своего рода способ поэтизации, возвышения героини, не случайно любовь Виталия к Натали является чувством поистине возвышенным, «чистым любовным восторгом» (V, 391). И такой Натали остается на всех этапах жизни: в девичестве, в замужестве, в последующих встречах с героем рассказа.

Наконец, все, писавшие об этом рассказе, конечно, отмечают, что в рассказе «Натали» И.А. Бунин упоминает о своем приезде в Воронеж. В январе 1907 года И.А. Бунин был приглашен на бал студентов, который проходил в здании Дворянского собрания на углу Малой Дворянской улицы (ныне улица Ф. Энгельса): «В январе следующего года, в Татьянин день, был бал воронежских студентов в Благородном собрании в Воронеже. Я, уже московский студент, проводил Святки дома, в деревне, и приехал в тот вечер в Воронеж» (14: 153). Бунин подробно описывает тот морозный вечер, мелькающие сквозь вьюгу огни фонарей, свое настроение и охватывающие его на тот момент чувства. В архивах сохранилась программа вечера, на которой

рукой Бунина сделана пометка: «Воронеж 8 янв. 07», и на этом вечере он читал свой перевод поэмы А. Теннисона «Годива» (15: 632).

Виталий Мещерский «повторяет» эту ситуацию: приезжает в Воронеж, посещает бал и гостиницу. В тексте рассказа гостиница именуется «Дворянской», но на самом деле Бунин останавливался в гостинице «Центральная», которая сохранилась на проспекте Революции и в наше время. Сцена бала в Дворянском собрании в Воронеже, по словам жены Бунина, описана на основе этого реального события: «Этот вечер, вернее, вся его обстановка, дана в его рассказе “Натали”» (14: 272). Это и обстановка шумного веселья, и танцы, и громкая музыка вальса, о которой упоминается в тексте: «Когда я приехал, бал только что начался, но уже полны были все прибывающим народом парадная лестница и площадка на ней, а из главной залы, с ее хор, все

покрывала, заглушала полковая музыка, звучно гремя печально-торжествующими тактами вальса» (V, 389). Здесь герой И.А. Бунина увидит среди прочих пар свою возлюбленную с мужем и осознает, насколько глубока его любовь к Натали.

Так, в работах современных ученых определились два подхода в изучении воронежского «наследия» в творчестве И.А. Бунина. Один из них предполагает опору на биографические факты и культурные «мифы» конкретного города, тогда как другой предлагает широкий контекст с опорой на национальные и культурные символы России. В последнем случае выясняется, что воронежский «след» в творческом сознании И.А. Бунина прочно вписан в образ «средней России» как средоточия национальной самобытности, и вследствие этого — малой родины тех писателей, кто составил мировую славу отечественной литературы.

Список литературы:

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5: Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. Рассказы, 1932–1952. М.: Художественная литература, 1988. 638 с.
2. Бунин И.А. Воспоминания. [Режим доступа]: <https://www.lib.ru/BUNIN/memours.txt> [дата обращения: 30.07.2024].
3. Смоленцев А.И. «Интерпретация смыслов»: об одной Воронежской аллюзии в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // «Воронежский текст» русской культуры: к 70-летию профессора Тамары Александровны Никоновой. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. С. 133-139.
4. Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Советский писатель, 1990. 414 с.
5. Бунин С.В., Бердникова О.А. Пространство степи и степные образы в творчестве И.А. Бунина: от «Кастрюка» — к «Темир-Аксак-Хану» // Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина): материалы Всероссийской научной конференции (24–26 сентября 2020 г.). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2020. С. 14-23.
6. Чунихина С.А., Бердникова О.А. Почему героиня рассказа «Натали» из Воронежа? Воронежский код в творчестве И.А. Бунина // Актуальные художественные практики в вузе. Сборник статей и материалов / под ред. О.А. Бердниковой, Л.В. Рыбачевой, О.В. Мазуренко. Воронеж: Издательский Дом ВГУ, 2023. С. 71-80.
7. Акинъшин А., Ласунский О. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии. Воронеж: Петровский сквер, 1994. 192 с.; Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии. Главный редактор О.Г. Ласунский. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. 518 с.
8. Луповская Х.П. Портреты напоминают (из иконографии семьи Станкевичей) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Москва, 2015. № 9-10. С. 30-41.
9. Флоренский П.А. Имена. СПб.: Азбука, Авалон, 2011. 314 с.
10. Дзущева Н.В., Нгуен Тхи Тхьонг. Роль антропонимической семантики в рассказе И.А. Бунина «Натали» // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2016. № 1. С. 101-103.
11. Котикова А.А. «Натальин текст» в прозе И.А. Бунина (на материале повести «Суходол» и рассказа «Натали») // Метафизика И.А. Бунина: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2018. Вып. 4. С. 188-191.
12. Михайлов О.Н. И.А. Бунин: Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное издательство, 1987. 320 с.
13. Ветринский Г. Журнальные заметки // Нижегородский листок. 1900. 11 нояб. № 310.
14. Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. 509 с.
15. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. 944 с.